

Triptych

by Inna Kabysh

translated by Katherine E. Young

*

...When Jesus said
“Let the one who is without sin among you cast the first stone,”
she, taken in adultery,
closed her eyes tight—
and there and then felt
a stone hitting her head.
She opened her eyes
and saw
not a soul around:
the people
demanding to stone her according to the laws of Moses
had dispersed, heeding their consciences;
Jesus, saying “Go and sin no more,”
went off toward the people waiting for him;
and she herself threw that stone
because sin—it’s a stone
thrown at the sky,
and it falls on one’s head
not according to the laws of Moses
but according to the laws of Newton.

*

If Christ had been asked to fill out a questionnaire,
then in the “profession” column
he’d have written: “man of letters.”
Jesus spoke in parables,
that is, he fully expected
some people wouldn’t understand him,
but he couldn’t do otherwise:
like a true man of letters
he spoke as he heard,
not listening to the opinion of the crowd.
He wasn’t even a man of letters
but a philologist,
not even a philologist
but a word:
he was both singer and song—

a unity of two.
...Why do we mourn the death of the Singer,
when he left us his songs?
But that's just the point, we love
the singer—all of him.

Literature—it's the personal body of the writer.

*

If Jesus was human to the same degree
as he was God,
then he was in full measure a man.
But insofar as women are prone to idealize,
they all followed him exclusively
as God.

All except Magdalene.
Magdalene,
to fill the emptiness
arising after Jesus expelled seven devils
from her,
needed something from Him that,
entering into her and instantly filling her,
would afterwards grow day by day.
And that,
as she knew from experience,
could only be conveyed by way of sex.
She followed Jesus
on a path
that was different
from the rest of the women:
she wanted him.
But the body
she never received,
even when she came to his tomb.
Because that would have been happiness for her.
And Jesus, like an honest person,
never promised anyone happiness—
he promised bliss.

Триптих

*

... И когда Иисус сказал:
"Кто из вас без греха, первый брось в нее камень", -
она, взятая в прелюбодеянии,
зажмурилась -
и тут же почувствовала
удар камнем по голове.
Она открыла глаза
и увидела,
что вокруг нет ни души:
люди,
требовавшие побить ее камнями по закону Моисея,
разошлись, обличаемые совестью,
Иисус, сказавший: иди и впредь не греши,
отправился к ожидавшему его народу,
и этот камень бросила она сама,
потому что грех - это камень,
брошенный в небо,
и он падает на голову
не по закону Моисея,
а по закону Ньютона.

*

Если б Христу предложили заполнить анкету,
то в графу "профессия"
он бы написал: литератор.
Иисус говорил притчами,
то есть отдавал себе отчёт в том,
что будет понят не всеми,
но он не мог иначе:
как истинный литератор
он говорил, как слышал,
не прислушиваясь к мнению толпы.
Он был даже не литератор,
а словесник,
даже не словесник,
а слово:
он был певец и песня—
один в двух лицах.

...Почему мы оплакиваем смерть Певца,
он же оставил нам свои песни?
Но в том-то дело, что мы любим
певца—всего.

Литература—это личное тело пишущего.

*

Если Иисус был человеком в той же мере,
что и Богом,
то он в полной мере был мужчиной.
Но поскольку женщины склонны идеализировать,
они все следовали за ним исключительно
как за Богом.

Все, кроме Магдалины.
Магдалине,
чтобы заполнить пустоту,
образовавшуюся после того, как Иисус изгнал
из неё семерых бесов,
нужно было от Него нечто,
что, войдя в неё и вмиг наполнив,
росло бы потом день ото дня.
А это,
как она знала по опыту,
передаётся только половым путём.
И она следовала за Иисусом
этим,
другим,
чем остальные женщины,
путём:
она его хотела.
Но именно тела
она и не получила,
даже придя ко гробу.
Потому что это было бы для неё счастьем.
А Иисус как честный человек
никому не обещал счастья—
он обещал блаженство.